ХАЛИМАТ БАЙРАМУКОВА

МОЯ ПЕСНЯ

Стихотворение в прозе

Я люблю песни, и, хотя не умею петь, они всегда живут во мне. Я знаю название каждой из них, знаю автора каждой из них... но есть одна песня — и я не знаю ее сочинителя, не знаю ее названия. Может быть, она была еще до моего рождения, может быть, она будет жить всегда, всегда, пока живет человек. А со мной живет со дня моего рождения. Я засыпала под ее звуки в своей колыбели, а порой среди ночи испуганно просыпалась от ее же звуков, и мать вскакивала с постели, чтобы успокоить меня. Наверно, она читала надо мной молитвы, но не молитвы, а звуки песни, звуки моей же песни успокаивали меня, и я снова засыпала.

Песня моя! С каждым днем моей жизни ты все больше и больше владеешь мной, и я уже сама не своя — я частица твоя, а ты — моя жизнь. Ты будешь жить и без меня, но я без тебя перестану жить. Но знаю, когда умру, не саваном буду окутана в земле, а тобою, моей песней.

Песня моя! Тебя я называю своею, ревниво дорожу тобою, но к людям я тебя не ревную. Пускай же все человечество услышит тебя, как слышало искони. Да, испокон веков... и, может быть, тебя слышал и мой предок, знаменитый Карча, когда из-под ног его за ночь исчезла земля, земля, принадлежащая ему... Вечером на быках он добрался до своего участка и, так как было уже темно, пахать решил утром, завернулся в бурку и заснул. Утром, когда проснулся, он земли своей не нашел. Искал, в отчаянье плакал, но не нашел… И вот собрался уходить, надел бурку и вдруг нашел свою землю — она была под буркой — его земля.

Песня моя! О чем ты ему тогда шептала? Может быть, плакала вместе с ним? Может быть, спряталась где-то рядом и из твоих огромных солнцеобразных глаз катились клубками слезы? А может быть, ты ураганным ветром выла вокруг него и ворошила его седые волосы за то, что он не умеет искать. Да, за то, что не умеет искать...

Песня моя! Ты небом ложилась на мои горы.

То—звездно-чистым, то зловеще черным с чудовищами туч... Ты ложилась грудью на кинжальные вершины, не боясь распороться о них, потому что хотела расслышать звуки гор, все звуки гор... и эти кинжалы не могли тебе сделать больно, от твоего прикосновения они становились добрей и в снежной своей белизне прислушивались к тебе, застыв, порой леденели, порой таяли — плакали огненно-горячими слезами, и слезы эти, катясь по склонам, по пути превращали камни в пепел, но камней было много. И слез было много, но они не всегда попадали на камни...

Песня моя! Ты ложилась небом на наши горы, закрывая от нас то, другое небо, которое всегда пугало нас. От тебя исходили звуки, звуки... не всегда одни и те же... Разные. Я слушала их и забывала, что у меня нет игрушек. Я слушала их — и отдавала половину своего куска хлеба тому, кто играл со мною рядом и не имел его...

И вдруг — чудо! Песня моя! Ты вышла из берегов. Тебе не хватало места ни на небе, ни на земле. Ты стала метать громы и молнии. Ты плакала и рыдала. Ты появлялась то бурей, то шквалом, а потом — ураганом. Я тогда боялась тебя, я не понимала тебя. А наши горцы радовались твоему гневу, они как бы хотели, чтобы ты

была такой. Они радовались, и я перестала бояться тебя, такую. Однажды ты спустилась к нам, зашла в дом сияющая, счастливая. Села с нами. Теперь у тебя были совсем другие мелодии. Все мы слышали их. И нам стало хорошо. Очень хорошо. Ты пробовала наш хлеб-соль и сказала, что пока не можешь сидеть спокойно. Значит, у тебя дел много, подумала я... Но ты все пела, пела сама себя, и мне хотелось все время идти с тобой, за тобой.

Песня моя! Я вижу тебя, не только слышу. Вижу тебя. Я когда-то думала, что мой Хурзук, мои родные горы — это и есть весь мир. Но однажды я в тебе увидела и услышала нечто другое: ты принесла с собою топот миллиардов человеческих ног. По этому топоту я узнала, по какой земле они ходят, в какую обувь они обуты: одни—в до блеска начищенных туфлях, другие — в накрепко зашнурованных ботинках, третьи — в солдатских сапогах. Одни шлепают босиком на рисовых плантациях по колено в воде, у других кожа обугливается на горящей земле. Одни идут уверенно, другие — боязливо, и от того, как они шагают, земле становится то легко, то тяжело...

Песня моя! Я тоже в их числе. Как мне хочется, чтобы каждый услышал в тебе звук своих шагов и свой голос, и голоса других, и голос всей земли. Услышал бы — обрадовался, услышал бы — устрашился, услышал бы — остался довольным или возмущенным. Но, может быть, кто-то не хотел бы признать тебя...

Песня моя! Дух мой! Я слышу в тебе миллионы голосов. Я знаю только два языка. Оба мои родные, один горский, другой — русский, но силою твоих звуков я понимаю все языки, все языки всего света.

Песня моя! Я вижу тебя. В тебе аромат всех цветов земли. В тебе раскаты всех волн всех океанов земли. В тебе звук поцелуя и свист хлыста, в тебе шелест листьев и звук прорастающего семени. В тебе вой ветров и первая улыбка ребенка. Ты — боль, ты — счастье, ты — совесть моя, совесть каждого другого...

Песня моя! Нет места на земле и в небе, где бы ты ни бывала. Ты неспокойная, ты благородная. Ты заглядываешь в хижины и во дворцы, в поселки и города. И горе тому, кто не услышит тебя... Ты разум. Ты призыв. Ты уже счастлива, наполовину счастлива — глухие тебя услышали, немые тебя запели.

Песня моя! Когда-то ты мне шептала: «Люби!» Я полюбила. Ты мне сказала: «Живи!» Я выжила. Выжила на пороге смерти и верю — каждый, кто пойдет за тобой, — выживет на пороге даже смерти, как я. Потому мне жизнь вдвойне дороже. Я живу ради жизни, ради твоих призывов, ради любви, ради детей моих и чужих, ради людей. И пока ты, Песня песней, не станешь хором Земли, хором человечества, воспевающим Мир, Труд, Равенство, Счастье, Братство,— нет мне покоя, нет мне счастья.

Перевод с карачаевского Новеллы Матвеевой